

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.31857/S086919080000431-1

ИНДОНЕЗИЯ – ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕФОРМ

© 2018

А.Ю. ДРУГОВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
alexdrugov37@yandex.ru

Резюме: В течение двух десятилетий после падения в 1998 г. авторитарного режима “нового порядка” Индонезия идет сложным и тернистым путем демократических реформ, преодоления наследия авторитаризма, модернизации политической системы и политической культуры общества. Этот процесс в правовом плане опирается на четыре пакета поправок к Конституции, принятых в 1999–2002 гг., ряд других законов и подзаконных актов. Перед страной и обществом стоит еще немало сложных проблем, важнейшими из которых, по мнению аналитиков, являются дальнейшее укрепление прав человека, противостояние радикальному исламу и попыткам определенных военных кругов вернуть армии ее политическую роль, борьба с коррупцией, преодоление дисбаланса в положении различных слоев общества и в развитии регионов. Правительство президента Джоко Видодо (с 2014 г.) предпринимает шаги в этом направлении, и президентские и парламентские выборы 2019 г. станут проверкой их успешности.

Ключевые слова: Индонезия, реформы, армия, религия, радикальный ислам, права человека, социальное неравенство, регионы.

Для цитирования: Другов А.Ю. Индонезия: два десятилетия реформ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 4. С. 111–122. DOI: 10.31857/S086919080000431-1

INDONESIA: TWENTY YEARS OF REFORMS

Alexei Yu. DRUGOV

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia;
alexdrugov37@yandex.ru

Abstract: The article maintains that during two decades after the fall of the authoritarian “New Order” regime in Indonesia in 1998 the country is undergoing a complicated and thorny path of democratic reforms, modernization of the political system and of political culture of the Indonesian society. From the legal point of view, this process is based upon four series of amendments to the Constitution adopted in 1999–2002, including the special chapter on human rights, and a number of other laws and acts. Nevertheless the country and Indonesian society are still facing many problems including the problems inherited from the previous regime. The fact is that the change of the regime was not a revolution. The Indonesian elite are much similar to that of the “New Order” and are not always united enough. The most acute of the problems are the necessity to confront radical Islam and terrorism, to deal with influential military elite dreaming of returning to the army the dominance it enjoyed before 1998, to overcome growing misbalance between social groups in the society, and misbalance in the development of regions. As far as religious radicalism is concerned, in many cases it is a reaction to social injustice and the policy of the USA aimed at the creation of unipolar world. Cabinet of President Joko Widodo elected in 2014 and supposed to run again in 2019 has taken several important steps to overcome these problems including some measures against radical Islam organizations, reducing the percentage of poor people, and devel-

oping infrastructure to lessen the misbalance between western and eastern regions of Indonesia. The legislative and presidential elections that will take place in 2019 are supposed to become a test for the efficiency of these efforts. They also will show how far reaching is the social support for the government policies.

Keywords: Indonesia, reforms, Army, religion, radical Islam, human rights, social imbalance, regions.

For citation: Drugov A.Yu. Indonesia: twenty years of reforms. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 4. Pp. 111–122. DOI: 10.31857/S086919080000431-1

Исторический опыт Индонезии на каждом этапе ее самостоятельного развития заслуживает серьезного изучения, по крайней мере, по двум причинам. Первая, лежащая на поверхности, – международная значимость этого государства, четвертого в мире по численности населения (около 260 млн человек в 2017 г.), с многообещающими перспективами развития и стратегическим местоположением на перекрестке мировых путей между Индийским и Тихим океанами. Но не менее, а в чем-то, возможно, и более, важен опыт собственного развития этой многонациональной, многорасовой, поликонфессиональной и поликультурной страны, прошедшей менее чем за столетие путь от статуса колонии через оккупацию Японией в период Второй мировой войны, национальную освободительную войну, либеральную демократию, авторитарный левонационалистический и репрессивный военно-авторитарный режимы и в 1998 г. вступившей в эпоху демократических реформ. Можно без преувеличения сказать, что опыт Индонезии при всех его особенностях и драматичности предоставляет возможность сделать важные выводы и обобщения, применимые к другим обществам, даже весьма отдаленным.

Падение в 1998 г. военно-репрессивного режима “нового порядка” не было революцией, поскольку не сопровождалось сменой социально-экономического уклада. Режим оказался не способным адаптироваться к тем изменениям в индонезийском обществе, которые стали результатом достаточно успешного экономического развития в предшествовавшие десятилетия. Экономический кризис 1997–1998 гг., поразивший Юго-Восточную Азию, только в Индонезии привел к смене политического режима, после чего начался процесс демократизации. Его особенности заключались в том, что к 1998 г. в стране еще не сформировалась и не могла сформироваться оппозиция, способная выработать и предложить обществу цельную программу демократических преобразований и модернизации политической системы. У власти остались гражданская и мусульманская элиты и бюрократия, унаследованные от предыдущего режима, “воспитывавшиеся” в условиях авторитаризма и впитавшие его пороки – коррупцию, nepotism, фаворитизм.

Общество унаследовало и те проблемы, которые не были решены, точнее, были загнаны вглубь авторитарной властью: социальное неравенство, неравномерность развития регионов и произрастающие на этой почве межэтнические и межконфессиональные противоречия – вплоть до сепаратизма на севере острова Суматра (провинция Аче), в Папуа, на Молуккских островах. Профессор университета Паджаджаран (г. Бандунг) Идинг Райидин уже в 2016 г. писал, что многие трудности Индонезии проистекают из того, что демократическая политическая культура еще недостаточно созрела: “Реформы, начавшиеся в 1998 г., были подобны внезапному взрыву и не сопровождались постепенным совершенствованием политической культуры. В результате многие представители элиты готовы только одерживать победы, но не готовы смириться с поражением” [*Gatra News*, 13.01.2016].

В этих условиях вплоть до начала 2000-х гг. были распространены опасения “балканизации” страны и ее распада на враждующие между собой анклав. Хотя демократическая политическая культура в стране действительно недостаточно созрела, все равно нужно отдать должное чувству национального самосохранения индонезийской элиты, проявившемуся в первые годы проведения реформ (автору уже доводилось подробно писать об этом [Другов, 2008]). То же чувство самосохранения подвигло элиту на реформы как средство национального спасения. Достаточно указать на радикальные изменения в конституции – четыре пакета поправок, принятых в 1999–2002 гг., реально обеспечившие правовую основу демократизации.

Двумя сроками ограничено пребывание у власти главы государства, избираемого ныне прямым голосованием. Ограничены и его полномочия, отменена назначаемость части депутатов законодательных органов; расширены права парламента. Внесена отдельная глава, посвященная правам человека; расширены прерогативы местных органов власти. Упразднена доктрина “двойной функции” вооруженных сил, в соответствии с которой армия, выполнявшая функции обороны страны, фактически имела статус самостоятельного политического института с гарантированным представительством в органах законодательной власти. Заслуживает внимания пункт 5 статьи 37 Основного закона, гласящий, что форма государственного устройства – Унитарное государство Республика Индонезия – не подлежит изменениям.

Поправки, внесенные в 2001 г., предусматривали создание Совета представителей регионов с равным участием в нем всех провинций, который вместе с Советом народных представителей входит в Народный консультативный конгресс. Однако до сих пор продолжают дискуссии относительно прерогатив этой палаты, фактически ограниченных высказыванием соображений и предложений Совету народных представителей.

Как отмечалось ранее, изменения, внесенные в Основной закон, создавали правовую основу для демократических реформ при наличии соответствующей политической культуры. Начнем с того, что в политической культуре индонезийского общества, особенно яванцев – большинства населения – заложены определенная сакрализация власти и завышенные ожидания, которые на нее возлагаются. В случае разочарования предполагаются весьма радикальные последствия. Среди институтов, в наибольшей степени выигравших в результате падения военного режима, оказалась мусульманская община, располагающая мощной системой мечетей, учебных заведений, научным потенциалом и кадрами проповедников. Даже военный режим не в силах был установить эффективный контроль над читавшимися в мечетях проповедями, в которых религиозные каноны становились символами социальной справедливости и равенства людей в условиях запрета всех идеологий. Исключением оставалась государственная идеология – пять принципов “Панча Сила”, включенных в преамбулу конституции и объявленных единственным источником права в стране: 1) вера в единого Бога-вседержителя; 2) справедливый и цивилизованный гуманизм; 3) единство Индонезии; 4) демократия, направляемая стремлением к единогласию на основе консультаций и представительства; 5) социальная справедливость для всего народа Индонезии.

Сакральность этих принципов, выведенных за пределы свободной дискуссии и находящихся вне какой бы то ни было состязательности, фактически полностью сохранилась и в эпоху реформ. При этом не учитывается тот факт, что эта идеология служит уже по крайней мере четвертому режиму после либеральной демократии (до 1957 г.), “направляемой демократии” Сукарно (до 1965 г.) и военно-репрессивного “Нового порядка” (1966–1998 гг.). Неизбежным следствием этого становится поиск населением альтернативных идей, и чаще всего в этом качестве выступает религия.

Не следует упускать из виду и международный фактор. С распадом социалистического лагеря и с появлением тенденции к формированию однополярной системы мирового устройства радикальный ислам стал восприниматься как наиболее значительная сила, противостоящая стремлению США к мировому доминированию.

Психологическая, политическая и культурная инерция населения была достаточно велика, и всплеск в 1998 г. насилия, сопровождавший падение военного режима, не символизировал избавление от этой инерции в пользу реальной активности. Однако политические процессы, наблюдавшиеся в последние двадцать лет, привели к определенным положительным результатам. Возможно, одним из наиболее показательных признаков изменений в политической культуре индонезийского общества стала победа на президентских выборах 2014 г. Джоко Видодо, начинавшего свою карьеру мастером-мебельщиком, сделавшего состояние на производстве мебели, служившего мэром столицы провинции Центральная Ява – города Суракарта (Соло), затем избранного губернатором Джакарты (2012 г.) и, наконец, президентом Индонезии. В отличие от предшественников у него не было ореола борца за независимость, как у Сукарно (1945–1967), он не был навязан стране силой, как генерал Сухарто (1967–1998), не был потомственным мусульманским деятелем, как Абдурахман Вахид (1999–2001), и не принадлежал к военной касте, как генерал С.Б. Юдойоно (2004–2014) – первый глава государства, избранный всенародным голосованием. Бахаруддин Юсуф Хабиби (1998–1999) и Мегавати Сукарнопутри (2001–2004), бывшие вице-президентами соответственно при Сухарто и А. Вахиде, занимали пост главы государства, освободившийся после отставки этих двух президентов. То обстоятельство, что при избрании губернатором столицы, а позже президентом Джоко Видодо пользовался активной поддержкой М. Сукарнопутри с ее наследственной аурой, имело сугубо временное значение. Он стал первым главой государства, которого с полным основанием можно назвать *self-made man*, как и вице-президента Ю. Каллу, принадлежащего к семье крупнейших индонезийских предпринимателей. Впервые на высшие посты в государстве выдвинулись эффективные менеджеры.

Аналогичный процесс проявился еще ранее, когда в 2012 г. на пост вице-губернатора Джакарты Джоко Видодо провел, несмотря на активное сопротивление радикалов-исламистов, этнического китайца, протестанта по вероисповеданию Басуки Чахайя Пурнама, который, став главой государства, сохранил его на этой должности.

Тем не менее Видодо, знающий индонезийское общество изнутри, настроен не слишком оптимистично. В ходе президентской гонки он опубликовал во влиятельной столичной газете “Компас” программу “революции менталитета”, в которой указал, что его соотечественники в своем мышлении мало продвинулись вперед по сравнению с той эпохой, когда ими правили “железной рукой”. С той поры сохранились многочисленные общественные пороки: коррупция, нетерпимость, алчность, эгоизм, склонность к насилию как к средству решения проблем, неуважение к закону, оппортунизм. Он призвал к осуществлению духовной революции, которая привела бы к созданию прозрачной политической системы [Kompas, 10.05.2014].

Правительство Джоко Видодо в 2014 г. получило плохое наследство. Тремя годами позже, в октябре 2017 г., директор индонезийского филиала организации “Международная амнистия” Усман Хамид опубликовал перечень 19 видов нарушений прав человека, по которым правительству не удалось переломить ситуацию. Среди них – ограничение свободы слова; наличие политических заключенных, осужденных за соучастие в заговорах, имевших место в Папуа и на Молуккских островах; нарушение прав религиозных меньшинств, как мусульманских, так и христианских; репрессии, направленные против крестьян, отстаивавших свои права на владение земельным участком; противодействие

усилиям установить истину о подлинном характере событий 30 сентября 1965 г.; произвол в деятельности силовых структур и др. [*Republika*, 20.10.2017].

В выступлении 10 декабря 2017 г. по случаю Всемирного дня защиты прав человека Видодо признал, что правительству предстоит большая работа в этой области. Он перечислил ряд нерешенных проблем, однако, что характерно, в этом списке отсутствовали события 1965 г. [*Suara Pembaruan*, 10.12.2017]. Напомню, что речь идет о событиях, случившихся в ночь на 1 октября 1965 г., когда подразделения полка президентской охраны арестовали и расстреляли группу генералов сухопутных войск, обвинив их в заговоре против главы государства, а затем провозгласили создание Революционного совета. Армейское командование выдало это выступление за попытку государственного переворота, организатором которого была объявлена Компартия Индонезии – в тот период наиболее влиятельный оппонент армии. В результате массового террора 1965–1966 гг. были уничтожены (по разным источникам) от 500 тыс. до 3 млн человек. В 1967 г. армия свергла президента Сукарно, но режим ее всевластия, установленный в 1966 г., просуществовал до 1998 г.

Исследованиями ведущих отечественных и зарубежных ученых доказано, что Компартия не только не была инициатором “Движения 30 сентября”, но в нем не принимали участия ни ее члены, ни вообще гражданские лица. Однако военная элита, прежде всего генералитет сухопутных войск, и исламская элита (ислаμισсты активно участвовали в репрессиях) упорно противодействуют требованиям общественности восстановить историческую истину. Позиция генералов понятна: в случае обнаружения правды на армию была бы возложена вина за совершение в 1966–1967 гг. государственного переворота, и это подорвало бы восприятие ее как одного из самых надежных столпов стабильности, законности и порядка в стране. Видимо, поэтому в начале 2018 г. военное руководство ввело запрет на доступ иностранных граждан без специального на то разрешения к материалам по истории вооруженных сил Индонезии в исследовательских целях [*The Jakarta Post*, 09.02.2018].

Эта ситуация характерна для процесса демократических реформ в целом. В 2015–2016 гг. реформаторски настроенный президент был вынужден уступить армейской верхушке в этом принципиальном вопросе при активизации ислаμισстов в связи с выборами губернатора столицы и нерешительной позиции, которую занимали партии президентской коалиции. Осложнять отношения с армией было рискованно. Сохранились статья 219 Уголовного кодекса, предусматривающая тюремное заключение сроком до 7 лет за пропаганду идей коммунизма, и статьи 220 и 221 – до 10 лет за создание организаций на основе этих идей и за попытки замены государственной идеологии “Панча Сила” другими учениями.

Необходимо учитывать трудности, возникавшие в ходе демократизации и модернизации политической системы в связи с правовым положением религии в индонезийском государстве и обществе. Религия в Индонезии не отделена от государства. Принцип религиозности заложен в первом пункте государственной идеологии и в пункте 1 статьи 29 Основного закона: “Государство основывается на вере в Единого Бога-вседержителя”. Это положение было развито в пункте 5 статьи 31 Конституции “Образование и культура”: “Правительство содействует развитию науки и технологий, высоко неся религиозные ценности и принцип национального единства в интересах развития цивилизации и процветания человечества”. Очевидно, что это положение в определенной ситуации может быть использовано для дискредитации любых исследований и учебных курсов. Известны случаи, когда фетвы Совета улемов Индонезии использовались в качестве доказательств в судах общей юрисдикции [*The Jakarta Post*, 22.12.2016].

Специального внимания заслуживает ситуация в провинции Аче, обретшей в 2005 г., после десятилетий сепаратистского существования движения, особую автономию. Уголовный кодекс, принятый в том же году и основанный на нормах шариата, предусматривает телесные наказания – до 100 ударов палками за такие преступления, как внебрачные отношения, азартные игры, употребление спиртных напитков и т.п. Чрезвычайно жесткие требования кодекс предъявляет к женщинам, причем для насильников сделаны существенные процессуальные послабления [*The Jakarta Globe*, 25.10.2015]. Власти Аче запрещают празднование Нового года как противоречащее мусульманским законам [*The Jakarta Post*, 31.12.2016]. В январе 2018 г. лица, пожелавшие баллотироваться на посты мэра и вице-мэра района Южный Аче, должны были пройти испытания на предмет умения читать Коран. Тем же испытаниям подверглись те, кто собирался в 2017 г. выставить свою кандидатуру на должности губернатора и вице-губернатора Аче [*Antara News*, 11.01.2018]. Таким образом, на территории провинции фактически не действует или не полностью действует законодательство республики, что, в свою очередь, может послужить примером для других регионов.

Но вопрос о роли религии имеет более широкий характер. В условиях углубляющегося имущественного расслоения и отсутствия светских идеологий религия, прежде всего ислам, который исповедует большинство населения, выступает едва ли не как единственный носитель идей равенства и справедливости. Соответственно религиозную окраску и направленность приобретают акции, порожденные сугубо мирскими, светскими причинами и явлениями. Последний и наиболее яркий пример – кампания против избрания на пост губернатора Джакарты Басуки Чахайя Пурнама, против которого использовался аят 51-й суры “Трапеза”, в переводе И.Ю. Крачковского звучащей таким образом: “Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них”. Когда же Б.Ч. Пурнама призвал избирателей не позволять одурачивать себя таким образом, его обвинили в богохульстве и развернули кампанию, в результате которой он, весьма способный менеджер, не только проиграл выборы, но и был осужден на два года тюремного заключения.

В этой истории есть два тревожных момента. Первый: никто – ни из духовенства, ни из светской элиты – не рискнул публично озвучить простую вещь – не все, что содержится в древних писаниях, может толковаться буквально и соответственно применяться в начале третьего тысячелетия, почти через полторы тысячи лет после откровений Мухаммеда. Это в известном смысле характеризует элиту, тем более что по всем признакам Б.Ч. Пурнама пользовался поддержкой и сочувствием власти. Второй: как выяснилось, эта кампания под ксенофобными лозунгами, прямо противоречившими государственной идеологии и Конституции, использовалась партией “Движение за великую Индонезию” для продвижения своего кандидата на пост губернатора столицы. В перспективе предполагалось увеличить шансы на победу на президентских выборах 2019 г. лидера партии – генерала в отставке Прабово Субианто, соперника Джоко Видодо в 2014 г.

Эти события послужили индикаторами тревожных политическим процессов. Как отмечалось в газете “Джакарта пост” 5 февраля 2018 г., “преследование и осуждение Басуки Чахайя Пурнама стали главным образом указанием на то, насколько снизилось качество нашей демократии”. «Ирония заключается в том, что именно политическая либерализация, наступившая после “нового порядка”, разрешившая уличные протесты и обеспечившая регулярные выборы, была незаконно использована большинством для нарушения прав меньшинств». Редакционная статья была озаглавлена “Демократия отступает”.

Правительство Джоко Видодо, по-видимому, достаточно реалистично оценивало обстановку и понимало, что дальнейшие уступки радикалам чреваты перерождением поли-

тической системы. 10 июля 2017 г. президент издал указ о статусе общественных организаций, содержащий пункты, дававшие правительству право на их роспуск. Организации могли запрещаться за действия, враждебные тем или иным расам, этносам, религиям или социальным группам, за насильственные акции, за нарушение общественного порядка, принятие на себя функций, относящихся к прерогативам правоохранительных органов, за проповедь сепаратизма и пропаганду учений и мировоззрений, враждебных государственной идеологии [*Antara News*, 14.07.2017]. 24 октября этот указ был утвержден парламентом и обрел силу закона.

Вскоре правительство распустило организацию “Хизбут Тахрир Индонезия” – Индонезийскую партию независимости (ИПН), программной целью которой было создание исламского халифата, что явно противоречило индонезийской конституции. Но ИПН не была самой активной из исламистских организаций (по сравнению, например, с Фронтом защитников ислама, игравшим ключевую роль в событиях 2016–2017 гг. и сохранившим легальный статус), и, скорее всего, ее роспуск должен был продемонстрировать радикальным исламистам, что терпение власти имеет границы.

Однако высказываются опасения, что этот указ может быть использован для ограничений или нарушений законных прав граждан. В упоминавшемся выше перечне нерешенных проблем в области прав человека говорилось, что он ограничивает свободу мнений, высказываний, убеждений и вероисповеданий, поскольку дает правительству право осуществлять репрессии и распускать общественные организации во внесудебном порядке [*Republika*, 20.10.2017].

Для этого беспокойства есть основания. Министерство внутренних дел издало постановление, обязавшее научных работников сообщать этому ведомству результаты своих изысканий и наделявшее властные структуры полномочиями оценивать вероятные отрицательные последствия того или иного исследования. Как заявил глава юридического отдела МВД Видодо Гигит Пуджианто, «необходимо однозначно запрещать темы, которые могут расколоть общество, побуждая к отказу от “Панча Сила” как государственной идеологии» [*The Jakarta Post*, 06.02.2018]. Подчеркну, что право оценивать содержание и направленность научных работ предоставляется силовому ведомству.

Несомненно, религиозная ситуация требует от власти высокой степени бдительности, однако подобные ограничения способны отвлечь внимание от поисков истинных корней радикализма. В то же время руководство страны реалистично подходит к этой проблеме. Так, глава Национального комитета по борьбе с терроризмом генерал полиции Сухарди Алиус, отмечая рост радикальных настроений в обществе, в том числе и среди интеллигенции, объясняет это высоким уровнем безработицы [*The Jakarta Post*, 06.02.2018], а вице-президент Ю. Калла – растущим социальным неравенством [*Republika*, 26.02.2017].

Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хуссейн, посетивший Индонезию в феврале 2018 г., призвал правительство страны привести деловую активность в таких сферах, как разработка минеральных ресурсов, развитие плантационного хозяйства, рыболовство, заготовка древесины и др., в соответствии с соблюдением прав человека. Почти 200 правозащитникам грозит судебное преследование за защиту прав населения и окружающей среды [*Antara News*, 07.02.2018].

Как видно из вышесказанного, властные и правоохранительные органы далеко не всегда действуют в рамках законности, и это не может не способствовать радикализации населения. В феврале 2016 г. Институт имени А. Вахида опубликовал данные, в соответствии с которыми полиция должна нести ответственность за большую часть нарушений в области свободы вероисповеданий, число которых возросло со 154 в 2014 г.

до 190 в 2015 г. Директор института Энни Вахид, дочь четвертого президента Индонезии А. Вахида, указала, что полицейские обычно действуют в пользу большинства и запрещают деятельность меньшинств под предлогом сохранения общественной безопасности и во избежание столкновений [*The Jakarta Post*, 25.02.2016]. Через полгода тот же институт обнародовал подробные данные, в соответствии с которыми больше половины нарушений совершались государственными органами – полицией (28), местными властями (31), Министерством по делам религий и его отделениями на местах (12), военными структурами (7) и т.д. При этом местные власти, издавая постановления, касавшиеся религиозной практики, преступали границы своих полномочий: таким правом обладает только правительство. Неорганизованные массы совершили 29 нарушений, Совет улемов Индонезии – 21, Фронт защитников ислама – 13 [*The Jakarta Post*, 21.07.2016].

Мы вновь возвращаемся к тому наследству, которое правительство Джоко Видодо получило от предыдущих режимов. Однако среди позитивных моментов можно указать на сохранившуюся тенденцию к гласности (открытости), благодаря которой многие факты нарушений становятся достоянием общественности.

Существенный ущерб демократизации наносит то обстоятельство, что сама категория “демократия” в массовом националистическом сознании нередко ассоциируется с политикой США, о которой в Индонезии сложилось преимущественно отрицательное впечатление. На Международном демократическом форуме, состоявшемся на Бали в декабре 2017 г., вице-президент Ю. Калла, в частности, заявил: “Демократия не есть религия, каноны которой едины для всех. Демократия – это орудие, и его применение увязывается с существующими условиями”. Он указал, что есть крупные державы, которые уподобляют демократию религии и в то же время нападают на другие религии во имя демократии. Целью объявляется утверждение демократии, а жизнь становится хуже, чем прежде. “Посмотрите на Ирак, на Сирию – Америка напала на них, чтобы принудить к демократии, и ситуация там ухудшилась. Возьмите нынешнюю Ливию – полагаю, что целью там была не демократия, а нечто худшее” [*GATRA News*, 07.12.2017]. Дискредитация категории “демократии” в ее вашингтонском варианте может использоваться как аргумент и противниками подлинной демократии.

Но главная проблема заключается в том впечатлении, которое практика демократизации производит на рядовых граждан. Коалиции политических партий, сформировавшиеся перед выборами 2014 г., после победы Джоко Видодо трансформировались. Научный сотрудник индонезийского Центра информации и исследований в области развития Умар Джуоро пишет, что переход друг за другом политических партий в положение сторонников Видодо после его избрания “показывает, что политика Индонезии строится не вокруг идеологии или платформы, а на основе интересов. Партиям очень трудно оставаться в оппозиции, лишаясь того доступа к власти, который сохраняет их на плаву”. Джуоро указывает на сложность положения президента. За расширение политической поддержки правительства он вынужден расплачиваться предоставлением представителям партий – в ущерб профессионалам – должностей министров, послов и т.п. [*The Jakarta Post*, 09.02.2016].

Отрицательное воздействие на политическое развитие страны оказывают неэффективное функционирование выборных органов и госаппарата на всех уровнях и масштабная коррупция, для которой, впрочем, существуют и объективные предпосылки. В начале 2018 г. в прессе была опубликована информация о расходах, которые должны нести кандидаты на посты глав районов и городских мэров. В зависимости от важности округа или города они достигали 20–100 млрд рупий (1.5–7.5 млн долл.). Поскольку заработная

плата соответствующих чиновников составляет 15–20 млн рупий (1.2–1.5 тыс. долл.) в месяц, а парламентария – около 50 млн рупий (менее 4 тыс. долл.), кандидат неизбежно попадает в зависимость от спонсоров, с которыми затем приходится расплачиваться тем или иным способом [*Republika*, 13.01.2018].

Неоднозначные последствия имеет расширение прерогатив местных органов власти. Этот процесс, объективно необходимый, если учесть размеры и специфику страны, девиз которой “Единство в многообразии” высечен на ее гербе, сопровождается многочисленными злоупотреблениями на местах. Однако в апреле 2017 г. Конституционный суд принял закон, в соответствии с которым центральное правительство и Министерство внутренних дел лишались права отменять законодательные акты местных властей. Как отмечалось в индонезийской печати, это решение было принято в условиях подъема религиозного радикализма и консерватизма и может с большой степенью вероятности привести к распространению действий, нарушающих права женщин и меньшинств. Чаще всего подобные законы принимаются в периоды избирательных кампаний в целях привлечения голосов консерваторов. Как указывает исполнительный директор Института реформ уголовной юстиции Суприяди Видодо Эддиано, это решение привело к игнорированию местными органами власти рекомендаций центрального правительства, как это происходит, например, в провинции Аче [*The Jakarta Post*, 10.04.2017].

Весьма сложная проблема, с которой индонезийское общество столкнулось в последние 20 лет, заключается в том, что армия, офицерский корпус, генералитет с большим трудом осознают и принимают реалии, появившиеся после 1998 г. Бывший главнокомандующий вооруженными силами Индонезии генерал Мулдоко (ныне глава администрации президента) указывал, что культура армии с трудом поддается изменениям, поскольку в прошлом военные пользовались особыми правами. В ходе проведения реформ эти привилегии исчезли, и армии к этому нелегко привыкнуть [*GATRA News*, 04.10.2017]. Неспособность или нежелание адаптироваться к новым условиям накладываются на существенные изменения в общественном сознании. В 1998–1999 гг. престиж армии был весьма невысок из-за произвола предшествовавшего режима, при котором армия выступала в качестве источника политической инициативы. В конце 2017 г., по результатам опросов, 76% респондентов указывали на армию как на институт, заслуживающий наибольшего доверия. Почти столько же – 75% – поставили на второе место президента Видодо [*Suara Pembaruan*, 27.11.2017].

Это объясняется рядом причин. Прежде всего, коррупцией и непрекращающимися распрями в рядах партийной элиты и бюрократии. Не то чтобы ситуация внутри армии была безупречна, но сама специфика этого института и его неподверженность контролю извне создают впечатление гомогенности вооруженных сил, бескорыстия военных, приоритетности для них национальных интересов. Кроме того, в силу особенностей своего внутреннего устройства армия производит впечатление более эффективного института, нежели гражданские структуры. Вторая причина, о которой упоминалось выше, – традиционная политическая культура индонезийцев, завышенные надежды, возлагаемые на власть, и, соответственно, разочарование в случае, если результаты не совпадают с ожиданиями. Армия может, по крайней мере, в глазах значительной части общества, выглядеть гарантом стабильности и целостности страны в условиях сохраняющихся сепаратистских тенденций в некоторых регионах, роста религиозного радикализма, угрозы терроризма, принимающего международные измерения, и т.д. Не принимается во внимание то, что эти негативные явления уходят корнями в сугубо гражданские пласты проблем и что борьбу с ними должны вести, прежде всего, гражданские институты.

В этой ситуации в среде генералитета появляется оппозиционность демократическим реформам. Глава Ассоциации ветеранов сухопутных войск генерал Сурьяди (до 1998 г. заместитель начальника штаба этого вида вооруженных сил) заявил, например, что Конституция 1945 г. после поправок, внесенных в нее в 1999–2002 гг., стала “либеральной” и перестала служить индонезийскому народу [*Suara Karya*, 12.09.2013]. Подобных высказываний много. Генерал Гатот Нурмантьо 4 июля 2017 г., незадолго до его отставки с поста главнокомандующего вооруженных сил, заявил, что в настоящее время индонезийская демократия не соответствует государственной идеологии и исламу, так как в стране проводятся консультации, а не голосование по различным вопросам [*GATRA News*, 05.06.2017].

В 2016–2017 гг., в почти кризисной обстановке в связи с кампанией выборов губернатора Джакарты, армия в значительной степени выступила как гарант стабильности – в отличие от гражданской политической элиты. По-видимому, это возбудило чрезмерные амбиции у генерала Г. Нурмантьо и предположения, что он намерен претендовать на пост главы государства на выборах 2019 г. после ухода в начале 2018 г. с военной службы по возрасту. В своих публичных выступлениях он все чаще подавал себя как деятеля, стоящего вне и выше официальных структур и иерархии, и заигрывал с мусульманской верхушкой.

Джоко Видодо, судя по всему, был обеспокоен складывавшейся ситуацией. В октябре 2017 г. он фактически досрочно освободил Г. Нурмантьо от обязанностей главнокомандующего вооруженных сил и назначил на этот пост начальника штаба ВВС маршала Хади Чахьянто. Тем самым он вернулся к существовавшей ранее системе ротации на высшей должности в вооруженных силах начальников штабов сухопутных войск, флота и авиации. Командующие авиацией и флотом традиционно отличаются значительно меньшими политическими амбициями, чем их армейские коллеги, а маршал Хади Чахьянто к тому же был близок к нынешнему президенту в бытность начальником авиационной базы в Соло, когда Джоко Видодо служил мэром этого города. Практически одновременно президент назначил главой своего аппарата бывшего до 2015 г. главнокомандующего вооруженных сил генерала в отставке Мулдоко, известного умеренными взглядами на политическую роль армии. Можно предположить, что президент намерен поставить армию в рамки, обозначенные в Конституции и в законе № 34 (2004 г.) о вооруженных силах Республики Индонезии.

Эта мера актуальна, поскольку, как показал опыт режима “нового порядка”, армия у власти способна обеспечить более или менее длительную, но не бесконечную стабильность, и наличие у нее неконституционных полномочий рано или поздно приведет к кризису. Успех Видодо в этом деле уберет многие препятствия на пути демократизации.

Помешать этому может обострение религиозной ситуации. Хотя две крупнейшие мусульманские организации “Нахдатул Улама” и “Мухаммадия” достаточно конструктивно сотрудничают с президентом, активизация радикальных исламистов может стать поводом для усиления роли силовых структур. Подобная активизация возможна из-за сохранения социально-экономического дисбаланса между регионами, городом и деревней, отдельными слоями общества.

В начале 2017 г. Видодо одобрил проект создания Совета национального единства. Как сообщил министр-координатор по вопросам обороны и безопасности генерал Виранто, для Индонезии традиционным остается урегулирование социальных конфликтов на основе консультаций и консенсуса, на которые нацелены институты обычного права, действующие по всей Индонезии. Виранто выразил надежду, что с созданием Совета конфликты можно будет разрешать во внесудебном порядке. В настоящее время большую роль играет Национальная комиссия по правам человека, которая рассматривает

дела перед передачей их в суд. По мнению Виранто, передача всех дел в суды не соответствует индонезийской культуре, поэтому и потребовалось создание Совета, который будет символизировать возрождение национальной индонезийской философии с присущим ей стремлением к урегулированию конфликтов путем консультаций и примирения [Antara News, 04.01.2017]. Конструктивной представляется идея создания Комиссии по установлению истины и примирению, которая займется вопросами прав человека, в том числе нарушениями их при “новом порядке”.

Существуют, по крайней мере, два обстоятельства, свидетельствующие о новых тенденциях в развитии индонезийского общества. Первое – обращение к личности и идеям А. Вахида, бывшего, на мой взгляд, наиболее реформаторски настроенным президентом страны, за что он фактически и был подвергнут импичменту в 2001 г.

Второе. Экономическое развитие Индонезии в период реформ заслуживает отдельного рассмотрения. Ограничимся некоторыми его параметрами. По данным Министерства промышленности, продукция обрабатывающих предприятий в январе–декабре 2017 г., при росте ВВП в 5.07%, по стоимости достигла 125 млрд долл. и обеспечила 76% всего экспорта (168.7 млрд долл.). Среди отраслей, внесших наибольший вклад в экономику страны, – пищевая, химическая, металлургическая, производство резиновых, пластмассовых изделий и одежды. В 2017 г. вклад Индонезии в рост мировой экономики составлял 2.5% – пятое место в мире [Antara News, 01.02.2018]. В 1999 г. к категории “бедного” населения относились 47.97 млн человек (23.43% граждан страны). В 2017 г. количество бедных людей снизилось до 26.58 млн (около 10.12%) [Antara News, 02.01.2018].

Выступая 12 февраля 2018 г. перед представителями индонезийской зарубежной диаспоры, Видодо призвал дипломатов послов не обращаться за иностранной помощью, так как по темпам экономического роста Индонезия занимает одно из ведущих мест в “большой двадцатке”. В то же время он потребовал добиваться роста экспорта, по объему которого Индонезия все еще уступает ряду стран АСЕАН [Antara News, 12.02.2018]. В другом выступлении президент указывал, что в Индонезии все еще плохо развита инфраструктура, поэтому правительство считает приоритетными проекты, связанные со строительством дорог, мостов, воздушных и морских портов, электростанций [Republika, 14.02.2018].

Развитие инфраструктуры имеет не только экономическое, но и большое политическое значение, поскольку направлено на преодоление неравномерности экономического развития регионов, порождающей не только социальную напряженность вследствие, например, резкого дисбаланса цен на потребительские товары, но и сепаратистские настроения. Одной из важнейших задач Видодо назвал ликвидацию территориальных диспропорций, порождаемых слабостью инфраструктуры и яваноцентризмом. В 2013 г. к категории “бедных” относились 24% жителей Молуккских островов и Папуа. В целом по стране эта цифра составляла 11.47% [Suara Karya, 03.01.2014]. В результате неразвитости транспортной инфраструктуры в Папуа литр бензина может стоить в 10 и более раз дороже, чем на Яве.

По той же причине, а также вследствие недостаточно развитой системы здравоохранения в конце 2017 – начале 2018 г. в Папуа вспыхнула эпидемия кори, которая, соединившись с недоеданием, унесла жизни десятков детей. Благами электрификации в 2016 г. пользовались 47% населения провинций Папуа и Западное Папуа; в сельской местности и на окраинах городов этот показатель достигал лишь 15.88%. Существующие проекты (с общим объемом финансирования примерно в 7 трлн рупий) предусматривают строительство 6 электростанций общей мощностью в 253 МВт, линий электропере-

дач и других объектов. Планируется строительство двух малых ГЭС мощностью в 22.5 МВт [*Suara Pembaruan*, 25.10.2016].

Изложенное выше представляет собой попытку отразить противоречивую картину поставторитарного развития Индонезии. Наблюдающиеся в индонезийском обществе разнонаправленные процессы порой создают впечатление отката в деле модернизации политической системы и политической культуры. Однако в целом успешное преодоление предкризисного состояния 2016–2017 гг. дает надежду на последовательное продолжение реформ. Очередной проверкой на их прочность станут парламентские и президентские выборы 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Другов А.Ю. Индонезия: десять лет после авторитаризма. *Азия и Африка сегодня*. 2008, № 5 [Drugov A.Yu. "Indonesia: ten years after authoritarianism". *Asia and Africa today*, 2008, № 5 (in Russian)].

Antara News (Jakarta).

Gatra News (Jakarta).

The Jakarta Globe.

The Jakarta Post.

Republika (Jakarta).

The Straits Times (Singapore).

Suara Karya (Jakarta).

Suara Pembaruan (Jakarta).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

<p>ДРУГОВ Алексей Юрьевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия.</p>	<p>Alexei Yu. DRUGOV – Dr.Sc. (Politics), Chief Researcher, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.</p>
---	--